

Автор благодарит за консультации менеджера бутика Картье Елену Смолову и сотрудника банка Людмилу Глуховскую

ЧАСТЬ I

Глава 1

«Есть люди, которые решают, и есть люди, к которым решения приходят. Я принадлежу явно к последним...»

Аля смотрела в экран телевизора, где весело смеялись какие-то люди. Она попыталась понять, чему они смеются, но так и не сумела.

Она устроилась перед телевизором, подобрав ноги под широкую юбку, в большом кожаном кресле. Рядом с ней на низком столике, как обычно, стояло блюдечко с шоколадным печеньем и чашка с холодным лимонным чаем.

...Решение пришло к ней само, внезапно, под этот глупый смех. Пришло неизвестно откуда, словно спустилось из воздуха, и стало внятным и слышным ее сознанию. Теперь она с недоумением оглядывала последние три года своей жизни: три года неясной скуки и невнятной тоски, три года странной рассредоточенности, словно ее душа была растащена и приворожена по углам этого большого дома, дома делового мужчины, в котором она так и не нашла себе места; три года без прошлого и без будущего, потому что прошлое она безжалостно перечеркнула, а будущее ей виделось как сквозь толщу воды — таким же смутным и гнетущим.

Так в принципе можно было жить, думала Аля, изо дня в день, всегда «сегодня». До тех пор, пока вдруг не поймешь, что и завтра будет так же. И что если ты ничего не изменишь в своей жизни, прямо сейчас, немедленно, то тебе придется жить так всю твою жизнь.

Всю! И вот тут ты отдаешь себе отчет, что не согласна. Вот тут к тебе приходит решение. И даже если тебе страшно, поделаться уже ничего нельзя. Решение дышит в затылок, решение требует выполнения, и у тебя в запасе нет никаких доводов, чтобы от него уклониться.

То есть, проще говоря, надо уходить от Саши.

Аля резко поднялась из кресла, будто желая прогнать нахлынувший на нее страх — перед будущим, перед неизвестностью; выстрелив пультом во все еще хохочущих людей, она сказала громко:

— Я хочу спать, Алекс...

«Алекс». Все его знакомые звали его так. А ей хотелось называть его Сашей, как зовут всех нормальных Александров. Но когда она впервые назвала его Сашей, он удивленно и недовольно приподнял брови. Ничего не сказал, это правда, но она поняла. И стала звать его, как все: Алекс.

— ...я пойду к себе, — добавила она.

Ей хотелось поскорее донести свое решение, не расплескав, до своей комнаты и там, оставшись наедине, обдумать его хорошенько. «Другие, нормальные люди, сначала думают, потом решают. У меня же все ровно наоборот: я сначала решаю — потом думаю...» — вздохнула она, направляясь к лестнице.

— Спокойной ночи, Лина. Я зайду тебя поцеловать. У меня столько работы...

«Как всегда», — подумала Аля.

Алекс отложил в сторону диапозитивы, которые рассматривал на свет, и обернулся.

— Послезавтра наша трехлетняя годовщина. Ты не забыла, дорогая?

«Дорогая», «дорогой». Так обращаются друг к другу в пьесах из западной жизни. Но ей надоело жить в пьесе.

— Не забыла, — произнесла она, держась за перила.

Аля вдруг поняла, почему к ней пришло решение: годовщина! Когда он две недели назад заговорил об этом, она впервые со всей ясностью ощутила, что ей не по силам этот юбилей, что справлять им нечего, что в их душах

так же пусто, как в этом огромном доме, где нет ни зверя (потому что у Алекса аллергия на животных), ни ребенка (потому что Алекс не хочет «пока»).

— Купи себе новое платье, хочешь? — Алекс снова завертел перед глазами слайд. — Знаешь, купи-ка себе сиреневое. Поищи завтра. С открытой спиной... Я прямо тебя вижу в нем... Оно так пойдет к твоим фиалковым глазам... А?

— Ты меня видишь в нем? Это нормально.

— ?

— Я его уже купила. И надевала на твой день рождения. И на прием на вернисаже американских авангардистов. И оно мне уже успело надоесть.

— Ах да, действительно! Извини, дорогая, так много работы...

— Не страшно. Я понимаю. Я куплю себе другое платье.

— Конечно-конечно, у тебя прекрасный вкус!

«Я его не просто не люблю. Я его ненавижу. Он у меня вызывает отвращение. Мне иногда хочется залепить ему пощечину, чтобы сбить с него эту маску вечного и вежливого благодущия, чтобы он растерялся, чтобы что-то нормальное, человеческое, естественное проступило наконец на этом холеном лице! И «Лина» — он по-прежнему зовет меня «Лина», как безоговорочно называл меня тогда, в первый день, когда я ему представилась: Алина. А я — Аля, как звала меня мама, мягко, нежно, домашне; как звали меня друзья... Впрочем, про друзей лучше не надо», — она отчего-то поежилась.

— Так спокойной ночи, Алекс.

Уходя, она оглянулась. Она увидела затылок мужа с короткими завитками волос, абрис его хорошо очерченной скулы, тень на щеке от его пушистых, как у девушки, каштановых ресниц, осенявших карие глаза, и ее догнал его бархатный баритон:

— Спокойной ночи, дорогая!

«Почему я не могу любить его? — думала Аля, поднимаясь к себе в комнату, в свое убежище, полное света, цветов и пастельных тонов. — Что не так, что не срабаты-

вает? Он хорош собой, и многие женщины на него заглядываются. Он всегда внимателен, предупредителен, лютбезен. Он даже «секси»... — шагала Аля по ступенькам, рассеянно глядя на рисунок покрывающего их ковра. — Но все это какое-то ненастоящее. Как бы только дань моде, правилам приличия; имидж, роль. Меня он не любит и не любил никогда. Потому что у него вообще нет потребности любить, ему это просто не нужно. И дело не в возрасте — хоть разница у нас большая, но что такое сорок два года для мужчины? Ничего».

Был ли у него кто-то в прошлом, отучивший его любить? Любовная драма, предательство, измена? Воображение Али принялось рисовать портрет таинственной роковой женщины, разбившей сердце юного Алекса... Но эзерсис удавался с трудом, ее воображение не справлялось с сюжетом любовной трагедии, где главную роль мог бы играть ее муж.

Что же тогда сделало его душевным импотентом и даже почти импотентом физическим? То есть не то чтобы импотентом, и даже, конечно, нет; но сексуальная сторона их жизни его так мало интересовала, что их физическую близость трудно было назвать иначе, как выполнением супружеского долга.

Разве я не привлекательна, спрашивала Аля у своего отражения в зеркале на туалетном столике спальни, разве я не хороша собой?

Отражение подтверждало, что хороша. Для полной убедительности Аля сняла очки — на нее из зеркала глянули большие серо-голубые глаза, которым немного расширенные черные зрачки действительно придавали легкий сиреневый оттенок. «Фиалковый», как говорил Алекс... Она сдула волнистую прядь светлых, немного пепельных волос со щеки, прядь взлетела, потом легла, послушно обняв нежный овал лица.

«Разве я не заслуживаю, чтобы меня любили? — искала поддержки у зеркала Аля. — Чтобы меня хотели? — Ее глаза начали наполняться слезами, и в их расплывчатом тумане она увидела, как у ее отражения покраснел нос,

отчего себя стало еще жальче. — И если ты не можешь, «дорогой», — зло передразнила она интонацию мужа, — то нам с тобой придется расстаться».

Аля, охваченная внезапным вдохновением, уже писала, и ручка ее летала по бумаге: «И, я надеюсь, ты сможешь меня понять. Мы друг друга не любим, так уж получилось. Это не наша вина, и не в нашей власти это изменить. Но согласись (она написала «дорогой» и зачеркнула), всю жизнь так продолжаться не может, и лучшее, что мы можем сделать, — это разойтись поскорее, дав друг другу свободу. И тем самым шанс быть счастливым: то есть любить и быть любимым...»

Какое-то время она сидела, уставившись невидящим взглядом на свое письмо, затем, глянув на часы — было почти половина одиннадцатого вечера, — спохватилась, вскочила, бросилась в соседнюю маленькую комнатку, служившую ей гардеробной, схватила приготовленный там заранее объемистый пакет и устремилась к дверям. Внезапно она вернулась, вырвала из склейки почтовой бумаги страницу с письмом и, сунув его в карман, вышла из комнаты.

Бесшумно спустившись по лестнице, она прошла незамеченной мимо раскрытой двери кабинета Алекса, пересекла гостиную, вышла в сад и растворилась в летней ночи, густой и пряной.

Глава 2

...Теплую, уютную темноту ночи пронзило холодным стержнем звонка. Сон, отступая и клубясь, повис на нем, как белье в итальянском дворике.

Вскочив, Алексей раздраженно схватил со стола орущий телефон и направился обратно к постели, сунув мимходом свой нос в щель между плотными занавесями. Серая предрассветная невнятица, стывшая за окном, усилила чувство острой неприязни к тому, кто разрушил

интимный покой его сна. Телефон трясся и захлебывался в его руке. Выразив одним энергичным словом все, что он думал о своем неведомом абоненте, Алексей снял трубку:

— Алексей Кисанов слушает.

«А что же еще, — думал он, зарываясь с телефоном обратно в дышащую теплом постель, — не говорить же «Детективное агентство АКИС». Я вам, черт побери, ночью не агентство, я вам ночью просто спящий Кис, и все тут».

— Добрый вечер, — раздался в трубке глубокий баритон, — то есть, извините, наверное, доброе утро... Говорит Александр Мурашов. Я еще раз прошу вас извинить меня (он разбудил меня, чтобы извиняться? — раздраженно подумал Кис), я вас, наверное, разбудил (мне нравится это «наверное!»), но у меня неотложное дело... Я бы вас попросил взяться за него, и незамедлительно. Могли бы вы сейчас приехать ко мне?

Алексей знал по опыту, что бывают действительно дела «незамедлительные», хотя дела такого рода чаще всего касаются милиции, а не сысного агентства, но он знал также, что бывают дураки, паникеры и даже шутники. Впрочем, последнее исключалось: имя Александра Мурашова кое о чем ему говорило. Поэтому он ответил вопросом на вопрос:

— Вы мне не сказали, в чем, собственно, дело?

— Я не хотел бы говорить по телефону. Прошу вас, приезжайте.

— Послушайте, вы будите меня среди ночи и просите приехать к вам — то есть прощай сон окончательно и бесповоротно — и не хотите дать мне возможность самому судить о срочности вашего дела? В таком случае я не поеду.

— Я заплачу вам, хорошо заплачу.

— Конечно, заплатите, причем по двойному тарифу. Если я соглашусь.

— Заплачу, сколько скажете. Только приезжайте.

— Я повторяю свой вопрос. Мы теряем время.

— Хорошо. У меня украли жену.

— Украли?

— Ну, пропала. У меня пропала жена.

— Когда?

— Три с половиной часа назад.

— Послушайте...

— Я думаю, что ее украли.

— Обратитесь в милицию.

— Мне пока нечего сказать милиции. В таких случаях милиция, сами понимаете...

Кис помолчал. Что правда, то правда, милиция не станет искать совершеннолетнего человека, пропавшего три часа назад...

— А почему вы обратились именно ко мне? — все еще упрямылся Кис.

— Ваше агентство седьмое в справочнике и первое, которое мне ответило в такой поздний час... Я вас очень прошу, — тихо добавил Мурашов.

— Ладно... — проворчал детектив. — Диктуйте адрес.

«Детективное агентство АКИС» существовало в лице самого Алексея Кисанова, которого со времен его нежного детства друзья звали Кис (откуда и взялась аббревиатура АКИС), и его помощника Вани, симпатичного студента-прогульщика юридического факультета МГУ, у которого «хвостов» было больше, чем отметок в зачетке. Располагалось же это предприятие, столь торжественно названное «агентством», в добротном старом желтом доме на Смоленской, в трехкомнатной квартире самого Киса. Ваня жил в самой маленькой комнате его большой квартиры, доставшейся Кису по наследству, — таким образом Кис платил своему помощнику за не очень пыльную работу, которую поручал ему время от времени. В третьей же комнате и находилось само агентство: архивы, материалы, папки, компьютер...

После одного нашумевшего дела, которое Кис блестяще провел, его стали приглашать в «высшие сферы», и тогда же он решил собирать впрок всю доступную информацию об известных людях. Идея была плодотворной, и его картотека с тех пор уже не раз сослужила ему добрую

службу. Именно туда теперь и направился Кис, выпроставшись из теплой кровати и нашарив тапки. Включив свет, он быстро просмотрел все, что у него было на Александра Мурашова.

Выловленная информация была следующей: Александр Мурашов, сын известного военного дипломата, писателя и бывшего главного редактора издательства «Честь», которое тихо и благополучно просуществовало в течение всех советских лет, выпуская книги о славных советских разведчиках. Писатель, он же главный редактор, скончался несколько лет тому назад, увенчанный всеми возможными советскими и перестроечными лаврами, успев, однако, обеспечить своему сыну связи и карьеру.

Впрочем, карьера Александра была достаточно противоречивой. До того, как занять пост главного редактора, его отец выполнял дипломатическую миссию сначала в Германии, затем во Франции, и маленький Саша, проведя безоблачное детство за границей, по-русски говорил хуже, чем по-немецки и по-французски. Выйдя в отставку, отец Алекса занял пост главного редактора, а Мурашов-младший пошел учиться в престижную французскую спецшколу в центре Москвы, известную своими вольными и фривольными нравами, учась одновременно в художественной школе. Попав прямым ходом после школы в МГИМО, Мурашов не забыл свою тягу к искусству и, получив диплом, отправился, при содействии папочки, во Францию в Академию изящных искусств. Вернувшись оттуда через три года, он окончательно забросил столь престижный диплом МГИМО и стал рисовать иллюстрации к книгам, на чем сделал себе имя, весьма известное в художественных кругах. Просуществовав в качестве талантливого художника-иллюстратора лет десять, Александр Мурашов вспомнил в годы перестройки и о других своих талантах и знаниях и ныне возглавлял крупное издательство «Экслибрис», выпускающее дорогие и превосходно сделанные книги по искусству. Никаких особых сплетен в прессе на его счет не было, скандалов за ним не водилось, интервью он давал редко и дело-

вито, без шуток, пошлых хохм и подробностей из личной жизни.

Однако у Киса кое-какие подробности были.

После его успеха с нашумевшим делом Кис «пошел по рукам». К нему уже обращались не только как к детективу, но и приглашали в качестве экзотического гостя, на телекинотусовки. Кис охотно откликался, и не без умысла: пьяный застольный треп звезд всех экранов для него тоже служил источником информации, которую он бережно доносил в своей памяти до компьютера и заносил в хитроумно классифицированный Ванькой файл «Сплетни».

Насчет Мурашова сплетен было мало — он все же принадлежал к другому, хотя и близкому кругу. Однако однажды речь о нем зашла.

Разговор начал подвыпивший ведущий одной из популярных телеигр, в квартире у которого была тусовка. Он долго хвастался своими успехами и знакомствами, и Кис уже почти перестал слушать его треп, как вдруг навострил уши: кажется, пошли имена.

— ...И спонсоры у нас — люди солидные, — говорил заплетающимся языком его собеседник. — Де-е-е-нежные люди.

— Нежные? — переспросил Кис несколько ехидно.

— И нежные тоже... Обидеть их легко, — многозначительно откликнулся хозяин квартиры. — Хорошие люди, — он потянулся к Кису чокаться стаканом виски. — Директора банков, фирм строительных, нефтяных... Крупных фирм, слышь ты! Мишка Трофимов, Васек Щеглов, а? Тебе это кое о чем говорит, а?

И он начал сыпать именами, называя их уменьшительно, самых известных по величине состояния людей в Москве.

«Кажется, — подумал Кис, — у этого малого крыша совсем съехала от почтения к дензнакам, которые летали вокруг него». Хотя «малый» был и сам далеко не беден, ездил на «мерсе», жил в чудненькой квартирке на Чистых Прудах. «Квартирка» уходила за горизонт анфиладами комнат, в интимно-прокуренной бесконечности ко-

торых растворялись многочисленные гости. Болтливый хозяин похвастался, что прикупил соседнюю и из двух сделал одну.

— Давай за хороших людей, — чокнулся хозяин, расплескав виски. — Что бы мы без них делали в нашей жизни!

— Правильно, — сказал Кис, чтобы что-нибудь сказать. — Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

— Это ты в точку заметил. Надо только приписать к поговорке конец: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей, и тогда у тебя будет сто миллионов!»

Довольный своей шуткой, хозяин заржал.

— Тогда еще надо приписать: «...и тюрьма в перспективе», — мрачно заметил Кис, но без осуждения: его задачей было не читать мораль, а раскрутить хозяина на разговор — так, на всякий случай. Может, пригодится.

И пригодилось. Потому что как раз тут его собеседник заговорил о Мурашове:

— ...Ты думаешь, мафия? Мафия — оно конечно. У нас сейчас каждый, кто богат, — мафия. Такое, понимаешь, уравнение: деньги — равно мафия... Это все лохи, которые вовремя не подсутились, теперь так рассуждают. От зависти все это, друг мой детектив, у нас народ завистливый... А вот у меня в спонсорах есть люди вполне безупречные. Про издателя Мурашова слышал?

Кис тогда еще не слышал, но кивнул утвердительно.

— Он сам в люди вышел. Папочкины связи, правда, сильно помогли, но не воровал.

— Ага, сам не воровал. Только чужие деньги отмывал. Все они в издательствах денежки отмывают, — прикинувшись пьяным, провоцировал его Алексей в надежде услышать подробности.

— Не угадал, дружище. Ты, я понимаю, человек простой, дефектив, то есть — совок. И судишь как совок. Сам бы небось рад великим мира сего услужить, а хоть бы и денежки отмыть, да тебе не предлагают. Вот и воняешь, как все совки: мафия, вору, грязные деньги...

— Шас в морду дам, — произнес Кис.

Пьяный хозяин посмотрел на него внимательно затуманенными глазами и понял: и вправду даст. Посему, напрягая растекающиеся мозги, все же сменил тон:

— Ладно, не обижайся. Пошутил я.

Кис царственно кивнул, принимая извинения.

— Я ведь рассуждаю по-простому, — задушевно пояснил Кис, все еще надеясь услышать от собеседника что-нибудь интересное. — На издательство нужен капитал, так? А капитал откуда берется? Ну ты ж не будешь мне заливать, что он из советской зарплаты скопил деньги-то? То-то и оно. Деньги он получил большие и грязные, такой вот обмен услугами для взаимного удовольствия: мы тебе капиталец для твоего баловства, а ты нам — большую стирку, а то купюрки наши что-то пахнут плохо, подвывают... А ты мне тут пытаешься впаять, что Мурашов твой — не мафия! Честнейший человек, да? Оттого ты за него так обиделся?

— А вот попал ты, детектив, пальцем в ж... В его издательство какая-то западная фирма деньги вложила, ради искусства — ты чего в искусстве понимаешь? Ни бумбум? Ну и не возникай тогда.

— Мне-то что, я не возникаю. А вот рэкетеры, должно быть, в искусстве понимают. Пришли, глядят — искусство! — и зарыдали от умиления, сопли по щекам размазали и домой пошли восвояси, приговаривая просветленно: какой Мурашов человек хороший да какой художник талантливый! Не будем обижать его, ведь это человек искусства!

— Зря ехидничаешь, между прочим. За «крышу» он, конечно, платит, без этого нынче никак нельзя, а вот «грязные» через него не идут...

— Ага. И он до сих пор жив.

— Эксель-моксель, да ты ж не понимаешь ничего в этих делах! Чего ты лезешь, знатока из себя строишь! Что ты про мафию знаешь? Ты в детективы откуда подался? Из ментов небось?

Кис кивнул утвердительно.

— А туда же, судить-пересудить. Это ж не сопляки-

уголовники, это ж солидные люди, с понятием! Они с Мурашовым и поладили...

— Как это? — недоверчиво удивился Кис.

— А так, дорогой мой мент-дефектив: поладили! У него отец кем был? Генералом! Военным атташе!

— И что? — тупо посмотрел на него Кис.

Телевизионная знаменитость даже откинулась на стуле, чтобы получше рассмотреть такого тупого детектива. Насладившись созерцанием, во время которого Кис с самым честным глупым видом моргал ресницами, звезда голубого экрана довольно пояснила:

— А то, что друзья отца — это всё генералитет! Высокоставленные люди! И Алекса Мурашова опекают. Как-то они там столковались... А уж как именно — не имею чести знать. Ладно, что с тобой время терять. Ты не обижайся, детектив, это я спьяну. Не обижайся, слышь? Будем дружить. Еще, глядишь, пригодимся друг другу. Не имей сто рублей, а имей сто друзей...

С этими словами он поплелся собирать своих разбредшихся гостей для очередного тоста.

Перечитав заложенную в компьютер информацию, Алексей довольно улыбнулся: как знал, когда просиживал, скучая, всю эту пьяно-безрадостную вечеринку, что окупятся его старания! Если жену Мурашова действительно похитили, то он будет знать, в каком направлении копать: у «безупречного» Мурашова наверняка найдутся делишки, которыми он нажил себе немало врагов!

Последняя страничка в его файле на Мурашова была короткой: он ввел при помощи сканера попавшуюся ему когда-то статью. О его свадьбе с некоей Алиной Дементьевой издатель интервью не давал, но в журнальной статье цитировалась его реплика. На вопрос журналистов о биографии его будущей жены он якобы ответил: «Посмотрите на нее — вы увидите ангела. А разве у ангелов спрашивают биографию?» Автор журнальной статьи, стараясь вытаскать хоть что-нибудь сенсационное, также писал, что это «романтическая история», «любовь с первого взгляда».

да» и что о предстоящей свадьбе было объявлено меньше чем через два месяца после знакомства.

Разглядывая журнальные фотографии, на которых была запечатлена Алина Мурашова, Кис нашел, что в этом нет ничего удивительного. У нее было действительно ангельское лицо.

Да только Кис в ангелов не верил.

Глава 3

Мурашovy жили за городом на даче. Поселок находился недалеко от Москвы и был известен роскошными дачами с гектарными участками, которые Сталин дарил танцорам и певцам Большого в тридцатые годы. Теперь там жили не только и даже вовсе не звезды оперы и балета, и старые уютные деревянные дачи сменились дорогами и безвкусными кирпичными особняками.

Сорок пять минут спустя Кис уже подъезжал к очаровательному трехэтажному дому Мурашовых. «Не зря мужик занимается искусством, — подумал Кис, — домишко со вкусом построил». Дом был сложен из отесанного камня, крыша была не из белой жести, как нынче делалось почти повсеместно, а сбегала темной черепицей, крыльцо было убрано цветами в нарядных глиняных горшках. Решетчатые ворота бесшумно разъехались перед машиной детектива, и он затормозил у крыльца. Мурашов вместе с каким-то молодым человеком, в котором Кис безошибочно учуял челядь, ждали его в дверях. Он благодарно потряс руку Киса и пропустил его в дверь. Кис повернулся к слуге: «Мне нужен кофе, бутерброд и рюмка коньяку». Мурашов энергично кивнул головой, подтверждая распоряжение Алексея, и они направились в кабинет.

Книги в застекленных темных шкафах, обширный удобный стол с компьютером, проектором и еще какой-то техникой, черные кожаные кресла — дорого и сдержанно. Пожалуй, и в гостиной, через которую они только

что прошли, нет никаких сюсек и цацек, которые так любят жены богатых мужей, отметил про себя Кис. Единственным украшением в доме были картины (о достоинстве их Кис не взялся бы судить, это было что-то авангардистское) — вне всякого сомнения, гордость хозяина.

— Итак?

— Итак, она исчезла. Значит, вечером я работал. У меня сейчас много работы, приходится и дома заниматься делами...

— В костюме?

— Простите, не понял?

— На вас костюм и галстук. Дорогой костюм и дорогой галстук. Это ваша домашняя одежда?

— Я надел к вашему приходу.

Кис почесал нос, но вслух ничего не сказал из всего того, что промелькнуло в голове. А из того, что промелькнуло, самым нежным было «у мужика крыша капитально съехала».

— Я работал в кабинете, а моя жена смотрела телевизор. Потом она мне пожелала спокойной ночи и ушла к себе. Это было где-то около десяти, передача по телевизору еще не закончилась. Около часу ночи, немного позже, я тоже поднялся наверх. Я не хотел Лину будить и не собирался к ней заходить, но вдруг заметил свет в ее комнате. Я удивился, что она еще не спит, — обычно моя жена ложится спать довольно рано. Я постучал, но она не ответила. Я подумал, что она, может, со светом заснула, и открыл дверь. А ее нет.

Мурашов говорил без эмоций, стараясь быть точным и подробным. Его приятный, хорошо модулированный голос был размерен и полон достоинства. Такой отличник из привилегированного учебного заведения, прилежный и приторно вежливый. Это вызвало глухое раздражение у Киса.

— Вместе с Георгием — это мой охранник и секретарь, вы его видели, когда вошли...

Кис удивился. Этот парень — охранник? Секретарь — еще куда ни шло, хотя этому типу больше пристало бы

быть официантом в дорогом ресторане... Гляди, какой нынче пошел бодигард: услужливый, лошенный!

— ...Мы осмотрели весь дом и сад, — продолжал Александр, разводя руками в знак своего удивления, — звали и кричали, но Лины нигде нет.

Его разведенные руки застыли в жесте недоумения, и он вопросительно посмотрел на Киса, словно давая понять, что он сделал и сказал все, что мог, и теперь его, Киса, черед говорить и действовать.

Жест показался Алексею театральным, и он молчал, пытаясь понять, что это — обычная манера себя вести, пусть даже и с неуловимым налетом фальши (такое часто встречается у людей, которые желают нравиться всем), или это роль, взятая на сегодня, роль, разыгрываемая перед детективом? Было бы, конечно, достаточно смешно подозревать Мурашова, но мало ли...

— Как ваша жена могла покинуть дом? — разомкнул наконец рот Кис.

— Я даже могу вам сказать, как она его покинула, — с готовностью откликнулся Мурашов. — Через дверь, ведущую в сад. Георгий обычно запирает входные двери дома после ужина, если мы никуда не уходим. Кроме того, если бы она открыла входную дверь, я бы услышал из кабинета. А дверь в сад была открыта, вечер жаркий был. И в саду у нас есть калитка, ведущая на параллельную улицу.

Исчерпывающий ответ. Такие ответы любят давать сами авторы преступлений, продумавшие заранее каждый свой шаг и каждое свое слово. Впрочем, объективности ради надо заметить, что в таком же духе отвечают любители детективов.

— Вы ничего необычного в саду не заметили?

— Нет. Все как всегда, насколько я могу судить.

— А калитка была открыта или закрыта?

— Закрыта. Но на ней простая задвижка, и ее может любой открыть или закрыть. Причем бесшумно. Петли смазаны.

Дверь отворилась, и Георгий внес кофе, корзинку с хлебом, тарелки с нарезанной бужениной и сыром и бу-

тылку дорогого коньяка, поставил на стол две маленькие тарелочки, к каждой из которых причитались нож с вилкой, завернутые в салфетку. Подивившись снова ресторанному сервису охранника, Кис решил начать с коньяка. Он не торопился осматривать дом. Он хотел сначала услышать полностью версию мужа. И потом сравнить свои наблюдения с услышанным.

— Вы комнату вашей жены осмотрели?

— Да. То есть я там был, но ничего особенного не заметил. Если же под словом «осмотреть» вы имеете в виду, что я должен был заглянуть во все шкафы или под кровать...

— Письмо она вам не оставила?

— Письмо? Какое письмо?

— Записку, письмо — например, что она поехала навестить свою подругу или маму... — Кис, проигнорировав салфетку с ножом и вилкой, соорудил себе бутерброд и отправил его в рот, прихлебнув кофе.

— Нет... Я не смотрел специально, но я бы увидел, если бы она мне его оставила. Оставляют ведь на виду, не так ли? Вот, а на виду ничего нигде нет. И потом, какая подруга ночью? Лина такая домашняя, она не могла уйти ночью... К тому же у нее подруга всего одна, еще со школы, и живет она в другом городе. А родители у нее умерли.

— Вы не ссорились вчера вечером?

— Мы с женой вообще никогда не ссоримся. И потом, я вам уже описал, как прошел вечер, — с нажимом добавил он. — Если бы мы поссорились, я бы вам сказал!

— В каком она вчера была настроении?

Мурашов пожал плечами:

— В обычном. Как всегда.

— А всегда в каком?

— Трудно определить словами... Ровное. Немного задумчивое... Она натура мечтательная, любит книги...

— И ничего необычного, никаких перемен в ее настроении вы не заметили? Ни вчера, ни в последнее время? Она не нервничала, не была чем-то озабочена?

— Да нет, пожалуй, все как обычно.

— Раньше случалось, что она ночью уходила из дома?

— Никогда. — Мурашов взял нож и вилку, отрезал себе аккуратный ломтик буженины, разместил его на тарелке, затем отрезал от него еще меньший кусочек и стал жевать без аппетита, отламывая хлеб маленькими кусочками. Кис с неприязнью проследил за его жестами. И чего мужик выделяется?

— По крайней мере, мне об этом ничего не известно, — задумчиво уточнил Алекс, прожевав. — Теоретически я не могу поручиться за то время, когда я сплю... Нет, я уверен, что нет. Бывает, она сидит вечерами на террасе в саду. Она, как я вам говорил, любит помечтать, подумывать.

Дал, что называется, развернутый ответ. Мурашов все больше раздражал Киса.

— Еще вопрос. И я вас прошу на него не обижаться (скоро и я начну изъясняться, как на дипломатическом приеме! — злился Кис): допускаете ли вы, что у вашей жены могло быть назначено свидание?

Мурашов мило улыбнулся.

— Я понимаю, что вы не знаете Лину. А ваш опыт позволяет предполагать всякое. Но я — я не допускаю. И знаете почему? Ведь если я вам скажу, что я доверяю своей жене, вы подумаете: ну и осел. Правильно? (Кис не ответил.) Нет, — продолжал с торжествующей улыбкой Мурашов, — для вас я приведу другой довод! Когда она уходила спать, я сказал ей, что, может, зайду еще ее поцеловать. А вряд ли жена пойдет на тайное свидание, зная, что к ней зайдет муж!

Он посмотрел на Киса, будто хотел проверить, какое впечатление произвели его выкладки. Такой душка, всеобщий любимчик, ждет похвалы. «Не дожدهшься», — злорадно подумал Кис.

Улыбка Мурашова медленно погасла.

— Ее украли, — неожиданно сказал он, тревожно и нетерпеливо дернувшись на стуле.

— Из ваших слов я сделал вывод, что у вас с женой раздельные спальни. Означает ли это, что у вас есть какие-то проблемы во взаимоотношениях?

— Нет, ни в коей мере. Просто мы решили, что так удобнее. Мы ложимся спать в разное время... Образ жизни, понимаете, не совсем совпадает, я работаю часто дома... Но у нас с Линой прекрасные отношения. Прекрасные!

Он подлил коньяку детективу, налил себе и отхлебнул глоточек. Кис опрокинул свою рюмку целиком.

— Коньяк имеет смысл пить маленькими глотками... — произнес Алекс. — Это не водка.

Кис удивленно вскинул глаза. При чем тут коньяк? У него жена пропала, а он — про маленькие глотки толкует!

— Учту, — буркнул он.

— Просто иначе вы не сможете почувствовать вкус коньяка, — приятно улыбнулся Алекс. — Водка не имеет вкуса, и ее глотают залпом, потому что в водке ценят в первую очередь эффект. А в коньяке, наоборот, вкус... — И он снова дружески улыбнулся.

— То есть вы меня вовсе не хорошим манерам учитесь, — с вызовом произнес Кис, — а просто обо мне заботитесь, даете дельный совет? Так надо понимать?

— Разумеется, — удивился Алекс. — Как бы я мог себе позволить вас учить?

«Та-а-ак, — сказал себе Кис. — Спокойно. Вдохнули — выдохнули. В конце концов, это твой клиент. Нравится — не нравится тебе Мурашов, а работа есть работа».

— Можно закурить? — спросил он.

— Прошу вас.

Алекс придвинул ему девственно-чистую пепельницу. Кис провокаторски выпустил вонючее облако дыма от «Золотой Явы». Алекс, и бровью не поведя, прошел к окну и распахнул его. Его благопристойность была непробиваема, как бетон.

— Получала ли ваша жена какие-нибудь письма, звонки в последнее время? — сдержанно произнес Алексей.

— Нет, насколько я знаю. Только от Кати, ее подруги, кажется, недавно, неделю-две назад, письмо пришло... О звонках она мне ничего не говорила.

— Какие-нибудь встречи?

— Нет вроде бы... Она почти все время дома. Она не любит выходить.

— А почему вы решили, что вашу жену украли?

— Ну, а как же иначе? Не могла же она уйти сама? Ночью? Куда? Зачем?

— Но крадут обычно насильственно! В доме борьба не происходила. Значит, ваша жена вышла в сад по своей воле. Хотя, как вы говорите, она дальше террасы, как правило, по ночам не ходит. Итак, она вышла в сад сама и дошла до калитки, скорее всего, тоже сама. По крайней мере, вы не заметили в саду следов борьбы, и шума никакого вы тоже, я полагаю, не слышали?

— Не слышал...

— Иначе бы вы мне уже об этом сказали, не так ли? Значит, она вышла, судя по всему, из дома сама. Вот я вас и спрашиваю: куда?

— Не знаю, — смутился Александр.

— А вам не приходило в голову, что она могла просто уйти от вас? Собрать вещи и уйти, вот так, не попрощавшись?

Мурашов смотрел на него растерянно. И еще, на одну секунду, в глазах его мелькнул страх.

— Вы ведь не смотрели, на месте ли ее вещи? — Кис с трудом сдерживал мстительную интонацию.

— Да нет, как же так, нет... Мне такое в голову не приходило, нет... Она не могла! Тем более накануне нашего юбилея! Мы послезавтра должны праздновать три года со дня нашего бракосочетания!

— Ну что ж, я хотел бы начать осмотр, — поднялся Кис, стряхнув крошки с колен и допив глоток уже остывшего кофе.

Алексея удивила невероятная опрятность спальни, которая напоминала скорее не место, где живут, а выставленный в магазине образец интерьера — даже если предположить наличие домработницы, порядок в этой комнате был почти маниакальным.

Постель, в которую Алина в эту ночь явно не ложилась, была покрыта кружевным покрывалом, на столиках и тумбочках лежали кружевные салфетки, и повсюду стояли срезанные розы. Занавеси на окне и полог над кроватью были тоже кружевные, перехваченные шелковыми лентами. На кровати сидел огромный белый пушистый медведь с розовым бантом на шее, а из-под подушки торчал потертый носик маленькой, старой и потрепанной плюшевой собачки. На туалетном столике были аккуратно и продуманно расставлены дорогие баночки, коробочки, тюбики и флакончики. Вся эта комната определенно контрастировала с общим стилем дома Мурашовых, дорогим и по-западному сдержанным, — она была одновременно старомодно-провинциальной и инфантильной. Именно так Кис мог бы себе представить комнату девочки-подростка из богатой семьи в прошлом веке. А опрятность, с которой каждая складка каждой оборки была зафиксирована на своем месте, придавала сходство с театральной декорацией — нашел новое сравнение Алексей, — в которой должен был играть сентиментальный спектакль из провинциальной жизни. «Она не захотела — или не сумела — принять вкусы своего мужа и стиль его дома», — подумал он. И, словно отвечая ему, Александр вдруг произнес:

— Знаете, когда мы поженились, Лина сказала мне, что в детстве, в мечтах о счастливой семье, ей представлялась кружевная бело-розовая комната. Что она стала для нее чем-то вроде символа счастья. И я, хоть это и не совпадает с моими вкусами, согласился отделать нашу спальню так, как она мечтала.

Кису сразу представилось, как Алекс, смущенный, показывает эту комнату гостям, с усмешкой пожимая плечами: «У моей жены такой вот плохой вкус...» Или: «У моей жены такая причуда...» Или не показывает вообще, чтобы избежать заспанных разговоров о провинциальных вкусах своей супруги?

Он внимательно посмотрел на Мурашова, ожидая увидеть тень иронии в его лице, — и не увидел. Напротив,

Алекс был совершенно серьезен. Демократ, значит. Такой вот лояльный жест — хочешь, дорогая, этот бело-розовый зефир? — пожалуйста, ноу проблем...

«И Алина, воспользовавшись снисходительным разрешением мужа, хранит теперь в неприкосновенности свой символ счастья. Может, потому, что ничего, кроме символа, у нее нет?» — предположил он про себя.

— «Вашу»? — спросил Кис вслух.

— Да, — смутился Мурашов, — поначалу у нас была общая спальня.

— У вас были недоразумения в отношениях?

— Я вам уже сказал, что нет! У нас с самого начала и до сих пор были и есть прекрасные отношения!

Мурашов явно не хотел допустить версию, что жена могла от него уйти. Или делал вид, что не допускает?

— В детстве, вы говорите, а где она провела свое детство?

— Лина родилась в Наро-Фоминске, в семье геологов, но, когда ей было шесть лет, ее родители погибли в авиакатастрофе. Разбились на маленьком самолетике где-то в тайге... Она была единственная дочь в семье. После смерти родителей у нее остались дядя по отцовской линии и бабушка с дедушкой по материнской. Бабушка с дедушкой умерли вскоре, и дядя, на чье попечение отдали Лину, определил ее в интернат. Но он тоже умер давно.

Опять «развернутый ответ». Кис посмотрел на Александра: ямочка на подбородке, пухлый рот, ясный взгляд — не хватает только запаха детского мыла и коротких штанов. «Его-то можно не спрашивать, как он провел детство, — за версту пахнет номенклатурной семьей и престижной школой. Разве что спросить, как ему удалось сохранить в первозданном виде этот образ честного, прилежного, воспитанного мальчика, от которого меня уже, кажется, тошнит?»

Маленькая темная комната, смежная со спальней, была гардеробной. И в ней вещи тоже находились в изумительном порядке. Все было выглажено, расправлено, сложено в аккуратнейшие стопочки.

— Насколько я могу судить, вещей она никаких не взяла, — заявил, не ожидая вопросов, Александр.

— Вы хотите сказать, что она не ушла от вас, раз вещи на местах? — рассеянно спросил Кис, оглядывая полки и вешалки с одеждой. — А вы хорошо знаете вещи вашей жены?

— Ну как, — немного смутился Мурашов, — вроде знаю.

— «Вроде». Кто убирает в комнатах?

— У нас домработница приходящая, Мария Сергеевна. Кроме воскресенья. Приходит в девять. Живет в соседней деревне.

«Сейчас стошнит», — подумал Кис.

— Пошлите за ней вашего охранника... Секретаря, в смысле. Пусть попросит ее прийти прямо сейчас.

Мурашов немного удивился, но вопросов задавать не стал и послушно вышел из комнаты. Кис вздохнул свободнее. Слщаваая и в то же время надменная вежливость Мурашова, его приторная готовность помогать «следствию» не нравились ему. Чувство фальши не оставляло Киса. Что-то было не то, словно у Мурашова пропала вещь, а не жена. Может, он придуривается? Может, он убил свою жену, тело спрятал, а теперь морочит мне голову? — злился про себя Кис.

Он открыл ящички туалетного столика. Драгоценности, косметические и гигиенические штучки, записная книжка (Кис отложил ее), несколько писем к Алине, одна и та же рука. Он раскрыл последнее:

«Ты жалуешься на скуку — душа моя, это грех. Посмотри на других людей, как они бьются в жизни с трудностями, и сравни свое положение с ихним. Вспомни, у тебя ничего не было в жизни, и тогда тебе тоже было скучно. Чего ж тебе надо, чтоб было не скучно? У тебя есть муж, положение хорошее, деньги. Ты и сама не знаешь, чего тебе надо! Роди ребенка, уговори Алекса, что это нужно. Или обмани его — трудно, что ли, забеременеть! Или ты чего-то недоговариваешь? Может, у вас какие другие проблемы, что вы не можете ребенка родить? Ну,

займись благотворительностью — сколько бедных людей, нуждающихся в поддержке, которых ты можешь осчастливить своими деньгами, которые тебе самой не приносят радости...»

Кис отложил письмо. Оно его позабавило смесью романной литературности с просторечием, но в то же время насторожило, в особенности той плохо скрытой нравоучительностью, завистью, которая читалась меж строк неведомой подруги. В записной книжке оказалось крайне мало личных телефонов и адресов. Подруга, написавшая письмо, проживала также в Наро-Фоминске, звалась Катей, и, скорее всего, именно о ней упомянул Мурашов.

В среднем ящике столика лежали блок почтовой бумаги с виньетками, конверты и несколько ручек в маленьком пенале. Бумага для писем была чистой, корзинка для мусора — пустой. Кис повертел на свету верхний листок — так и есть, продавились отпечатки какого-то текста. Кис сложил в свой портфель листки, письма и записную книжку.

Спустившись в прихожую, Алексей тщательно проверил карманы верхней одежды Алины (там было несколько легких, по сезону, курток и плащей) и несколько сумок разных цветов и размеров. Все было опрятно и несущественно: зеркальца, носовые платочки, карандашики, косметические мелочи и конфетки, заваливавшиеся то там, то сям — ни записок, ни документов.

Осмотр остальных комнат дома и сада ничего не дал. Уже рассвело, и можно было с уверенностью сказать, что никаких следов борьбы нигде не было. Со стороны фасада были ворота и калитка на электронном замке. С обратной стороны сад простирался на несколько десятков метров в глубину — Мурашов, должно быть, купил соседний участок — и заканчивался обычной, типичной для старых дач деревянной калиткой, выходявшей на тихую тенистую улицу, забросанную светло-желтым душистым воухом липовых цветков. Скорее всего, Алина покинула сад именно через эту калитку... Алексей прошелся по

улочке, задумчиво рассматривая свежие пятна от машинного масла в метрах двадцати от калитки. Мурашов стоял неподвижно возле забора своей дачи — или, вернее было бы сказать, своего особняка? — и наблюдал за ним.

— После того, как ваша жена поднялась к себе в спальню, вы не слышали звук машины? Мотор, хлопанье дверей, может быть, голоса?

— Нет. Я, когда работаю, ничего не слышу.

— А в городе у вас есть квартира?

— Есть. Но мы в ней практически не живем. Изредка только ночуем...

— Даже зимой?

— У нас дача отапливается. Со всеми удобствами, телефон, машины, все есть. Зачем нам город? Здесь воздух чище.

Алексей присел, мазнул пальцем масло и понюхал, внимательно изучая пересохшую от жары землю. Впрочем, масляные пятна могла оставить любая другая, не имеющая отношения к делу машина.

— Вы не подумали о том, что ваша жена могла просто-напросто уехать в городскую квартиру?

— Исключено. Во-первых, я туда звонил много раз. Во-вторых, ключи от нее на месте. На ключнице в прихожей.

— У вас есть здесь друзья? Среди соседей по даче?

— Есть, разумеется. Но не такие, чтобы она могла без всяких причин среди ночи к кому-то заявиться.

«Как же он мне надоел», — подумал Кис со вздохом.

— Сколько у вас машин? — обернулся он к Мурашову.

— Две. Мой «БМВ» и «Меган» Лины.

Две. И обе стояли в гараже.

Не ушла же она пешком!

Глава 4

...Машину Марго она увидела чуть поодаль, метрах в двадцати от калитки. Аля приблизилась.

— Сядь ко мне, надо поговорить, — сказала Марго, бе-

ря приготовленный для нее пакет, который Аля подала ей в окно машины.

Аля колебалась. Ей хотелось поскорее вернуться в дом. Вдруг Алекс заметит ее отсутствие?

— Аль, сядь, что стоишь, как столб? — поторопила ее Марго.

Аля неохотно присела в машину, не закрывая дверцу.

— Что еще, Марго? — недовольно спросила она.

Но Марго, однако, неожиданно замолчала.

— Марго, что ты хотела мне сказать? — настоятельно произнесла Аля.

— Мне деньги нужны... — сказала Марго, отводя глаза.

Аля помолчала.

— Послушай, Марго... — начала она не совсем уверенно, но затем придала своему голосу сухость и строгость, — я тебе давала совсем недавно, двух недель не прошло. И ты мне обещала, что это первый и последний раз. И что ты пойдешь работать. Ну, и что — ты работаешь? Или ты собираешься жить на моем содержании? Вернее, на содержании у моего мужа?..

— Аля, ну не сердись, Алечка! Ты же знаешь, как трудно найти работу сейчас. Я пыталась... Искала... Пока не нашла. Они все сразу предлагают мне переспать, чтобы работу получить... — Голос Марго дрогнул, и она отвернула кудрявую голову к окну.

Алина растерянно молчала. Она не умела отказывать, и ей было жаль Марго. Но в то же время поведение Марго ей не нравилось — аппетиты бывшей подруги со всей очевидностью росли: сначала были джинсы с майками, потом она потребовала элегантный костюм на выход, потом — вечерний туалет... И деньги, уже второй раз.

Марго всего лишь один раз намекнула Але, что знает ее тайну, и с тех пор ни словом не обмолвилась об этом, но... Но было ясно, что все ее поведение, все ее «просьбы» базируются на этом знании. То есть, называя вещи своими именами, Марго Алину шантажирует. И Алина, ощутив неприятный холодок в спине, подумала, что вот